

—

Домашние ворота стучали так громко, что Чэнь Чуян услышал это, находясь на кухне. Он подумал, что кто-то пришел искать неприятностей, и хотел было выйти посмотреть, но тут услышал голос господина Лю из главного зала, зовущего кого-то открыть ворота.

В деревне Мэй тоже был крупный землевладелец, и в его доме были постоянные работники. Его сыновья и дочери, подобно молодым господам и барышням в городе, имели прислугу. Семья Лю также была землевладельцами. Хотя у них не было слуг в деревне, у них, безусловно, был особняк в уезде.

Чэнь Чуян знал, что господин Лю, должно быть, привык, чтобы ему прислуживали, поэтому привычно командовал. Он бросил свою работу и поспешил на выход, но к тому моменту, как он вышел, госпожа Лю уже открыла ворота.

Едва ворота открылись, как внутрь ворвался шестнадцати-семнадцатилетний юноша. У него было тревожное лицо, и он, войдя, громко крикнул: «Дядя! Идите скорее, второй брат привел людей, чтобы устроить беспорядок на наших полях!»

Пришедшего звали Ли Ляньшань, он был младшим сыном младшей тёти. Семья её мужа носила фамилию Ли, и они были посторонними, переехавшими в деревню Лю всего несколько десятилетий назад. У неё было трое сыновей: старшего звали Ли Ляньюн, второго – Ли Ляньпин. Сейчас оба сына вместе с родителями погнались за Лю Цюньфэном к рисовым полям, а младшего сына она послала за помощью к семье Лю.

Стены двора семьи Лю были высокими, а ворота плотно закрыты. Если бы не прислушаться специально, было бы невозможно узнать, что происходит снаружи.

Члены семьи Лю думали, что Лю Цюньфэн снова ушел по делам. Услышав слова Ли Ляньшаня, лицо госпожи Лю выразило сложные эмоции: из ранней злости они переросли в беспокойство. Она быстро взглянула на господина Лю, а тот, как и ожидалось, уже потемнел от гнева!

«Этот маленький ублюдок теперь считает, что никто не может его контролировать, да?»
Господин Лю, закатывая рукава, последовал за Ли Ляньшанем. Он был вне себя от ярости!

Вчера двоюродная сестра прибежала домой, чтобы жаловаться. Хотя господин Лю и был раздражен, он теперь занимал другое положение и не мог так уж мелочиться. Хоть Лю Ляньсян и была надоедливой, её отец был его родным вторым дядей. Из уважения к старейшине, пока жив второй дядя, он не мог допустить настоящего скандала.

Вчера господин Лю уже предупреждал Лю Цюньфэна не искать неприятностей, но сегодня Лю

Цюньфэн все равно отправился их искать. Он чувствовал, что сын его ослушался, и, естественно, был недоволен. Он пошел за Ли Ляньшанем, желая использовать этот инцидент, чтобы проучить Лю Цюньфэна.

Госпожа Лю, охваченная беспокойством, конечно же, хотела пойти посмотреть, и Чэнь Чуян тоже. Они поспешили следом, но у ворот столкнулись со вторым дядей с семьей.

Второй дядя уже погнался за ними, Чуньфэн тоже ушел, а вот вторая тётя не только не пошла сама, но и остановила тех двоих, кто хотел идти.

«Старшая невестка, ты что, глупая? Зачем тебе туда идти? Чтобы стать козлом отпущения? Чтобы они всю вину на тебя свалили?» Хотя вторая тётя и госпожа Лю были жёнами братьев, благодаря бабушке, они ладили, как родные сестры.

Госпожа Лю была слабохарактерной, а её семья не имела влияния, поэтому свекровь постоянно её изводила. Вторая тётя, хоть и была сильной по натуре, а её родных братьев было много, не смогла родить сына, и даже после рождения Чуньфэна, когда она сказала, что будет воспитывать его как сына, бабушка не признала этого.

Когда супруги давали Чуньфэну имя, бабушка была против. В семье Лю у мужчин и женщин был свой порядок, но они считались отдельно. Тогда бабушка настаивала, чтобы Чуньфэн следовал порядку женщин, но вторая тётя упрячилась и не меняла решения. Второй дядя не смог ничего поделать, и им пришлось изменить первоначальное имя Чуньфэн («весенний пик») на Чуньфэн («весенний ветер»).

О том, что происходит на родовых полях, семья второго дяди, естественно, знала.

Вторая тётя, опасаясь, что госпожа Лю пострадает, не хотела её отпускать. Госпожа Лю, поразмыслив, согласилась, но беспокоилась за сына.

«О чем ты так волнуешься? Твоё присутствие там только всё испортит. Цюньфэн уже взрослый человек, и если он что-то делает, у него есть на то свои причины. К тому же, он умный парень, он не будет действовать сгоряча, должно быть, он это обдумал заранее. Сестра, не переживай, иди внутрь и успокой его бабушку. Вот это главное, чтобы она не пошла».

Пожилые люди не выдержат такой суматохи. Если сегодня с бабушкой что-то случится у рисовых полей, Лю Цюньфэн действительно будет виноват.

Вторая тётя, говоря, толкала их внутрь. Затолкнув их во двор, она не вошла сама. Она хорошо ладила только со старшей невесткой, но не со всей первой ветвью семьи.

Уходя, вторая тётя трижды наказывала госпоже Лю и Чэнь Чуяну оставаться дома и никуда не ходить, а затем закрыла за ними ворота.

«Свекровь?» Чэнь Чуян с беспокойством посмотрел на свою свекровь. Он, на самом деле, хотел пойти посмотреть, но чувствовал, что слова второй тётки имеют смысл.

Он видел, как младшая тётка обижала его свекровь. Если свекровь пойдет, она действительно может стать козлом отпущения. Возможно, эта наглая тётка будет клеветать, исказит события того дня и свалит всю ответственность на них.

Госпожа Лю нахмурилась. Она взглянула в сторону рисовых полей, но из-за небольшого холма за огородом ничего не увидела. Хоть она и была мягкой по характеру, но не глупой, поэтому понимала, что слова второй тётки правдивы.

«Эх!» Тяжело вздохнув, госпожа Лю попросила Чэнь Чуяна приготовить завтрак, а сама пошла в дом, чтобы успокоить бабушку.

Вторая тётка действительно не ошиблась, Лю Цюньфэн давно хотел это сделать.

Граница рисовых полей, примыкающая к полю младшей тётки, постоянно обваливалась. Раньше он чувствовал, что что-то не так, а однажды, во время осеннего сбора урожая, он нечаянно услышал, как один из арендаторов сказал: «Почему это лаковое дерево сдвинулось?» — и тут понял причину.

Оказывается, кто-то подкапывал основание насыпи! Если его выкопать снизу, как оно может не обвалиться сверху?

То лаковое дерево было сдвинуто уже более чем на чжан (3,33 метра), и рисовое поле семьи младшей тётки явно стало шире, чем его.

Лю Цюньфэну было наплевать на этот маленький клочок земли, но он считал, что поведение семьи его младшей тети, которая была скупа и обвиняла других, было действительно отвратительным!

Вчера, едва вернувшись домой, он услышал, как младшая тётка устроила скандал, и это ему сразу не понравилось!

Позже, когда он и фулан поехали навестить родственников, у него появились другие мысли. Вернувшись от старшей тётки, он хотел поговорить о чем-то с матерью, и она тоже хотела с ним поговорить.

После того, как мать и сын поделились своими переживаниями, они оба почувствовали себя виноватыми и попытались сменить тему, но разговор снова вернулся к младшей тётке. Тут он узнал, что она даже ударила его мать и фулана!

Изначально Лю Цюньфэн хотел просто собрать семью младшей тётки у поля, показать им

расположение лакового дерева и потребовать, чтобы они больше не нагтели. Но, узнав, что та подняла руку на его мать и фулана, он решил приложить все усилия и вернуть долг!

«Всё выкопать». Сегодня Лю Цюньфэн позвал не только родственников и нескольких старейшин деревни, но и своих арендаторов.

Хотя их полей было меньше, чем у второго дяди, у них всё же было более ста му, и, естественно, немало арендаторов. Особенно братья Шэнь Чангуй и Шэнь Чанмин были его постоянными работниками, и они, конечно, должны были выполнять приказы хозяина.

Братья Шэнь и их сыновья, а это шесть-семь мужчин, плюс арендаторы Лю из деревни – более десяти человек, все с мотыгами и лопатами. Как только Лю Цюньфэн скомандовал, они начали копать границу поля.

Лю Цюньфэн приказал выкопать все границы полей, примыкающие к рисовому полю младшей тётки!

Когда младшая тётка, её муж и двое сыновей прибежали, арендаторы уже успели разрушить границу первого рисового поля.

Та сначала подумала, что Лю Цюньфэн пришел копать её границу и уничтожить её саженцы пшеницы, поэтому она не сильно беспокоилась.

Как глупо поступил Лю Цюньфэн! Если он выкопает её саженцы, ему придется платить компенсацию! Разве плохо получить урожай пшеницы просто так? К тому же, его поступок был крайне подлым, и стоило ей только это разгласить, все бы узнали, что Лю Цюньфэн – это тиран-землевладелец, который обижает свою младшую тётку, и его уши, наверное, горели бы от сплетен каждый день.

Младшая тётка, замышляя свой план, прибежала, делая вид, что спешит, но увидела, что Лю Цюньфэн приказывает людям копать границу своего собственного поля, да еще и при стольких свидетелях. Это её сбilo с толку.

Но как бы она ни была смущена, ей нужно было отыграть свою роль до конца! На её рисовом поле, кроме двух участков для рассады, уже была посеяна пшеница, и саженцы были уже два дюйма высотой!

«Что вы делаете? Уходите! Уходите! Не стойте на моём пшеничном поле, вы же губите урожай!» У младшей тётки дернулся уголок рта, и она, с лицом, полным боли, закричала: «Мои саженцы! Мои саженцы!»

Лю Цюньфэн привел много людей, и хотя большинство из них находились на его поле, копавшие границу, естественно, были и на поле тётки. Саженцы пшеницы уже проклюнулись из

земли, радуя глаз своей зеленью, но теперь их неминуемо топтали.

Все присутствующие были людьми, которые жили за счет земли, и они больше всего ненавидели порчу урожая и трату продовольствия. Сейчас они начали осуждать Лю Цюньфэна.

Младшая тётя, лучше всех замечавшая изменения в выражениях лиц окружающих, внутренне ликовала, но внешне никак этого не показывала. Наоборот, она поспешила, пытаясь остановить рабочих, а когда не смогла, в ярости крикнула Лю Цюньфэну: «Цюньфэн! Что ты делаешь? Зачем ты приказываешь копать эту границу, которую мы с таким трудом восстановили! Столько крепких мужиков, они же всю мою пшеницу затопчут насмерть!»

«Разве это не ради вашей семьи, тётя? Наша граница постоянно обваливается, и восстанавливать её каждые три дня – не выход. Должно быть, проблема в основании. Я делаю это, чтобы заложить новое, крепкое основание, и чтобы впредь не обременять вас, тётя». Лю Цюньфэн не стал говорить о пшенице, а сосредоточился только на границе поля. То, что его младшая тётя, Лю Ляньсян, постоянно создавала проблемы из-за границы, было известно всей деревне.

Лю Цюньфэн стоял на границе своего поля, но тут начал двигаться к тому лаковому дереву. В это время запыхавшийся господин Лю тоже подоспел. Увидев, что младший сын позвал господина Лю, младшая тётя ещё больше занервничала и жалобно взмолилась: «Старший брат!»

Господин Лю махнул рукой, показывая, что понял, и поспешил к Лю Цюньфэну, наклонился к его уху и тихо сказал: «Достаточно, хватит, не раздувай скандал».

Господин Лю сначала думал, что Лю Цюньфэн пришел, чтобы навредить тёткиной пшенице, но теперь он понял, что задумал сын. С его сыном и правда шутки плохи. Он был действительно слишком коварным!

Лю Цюньфэн совершенно проигнорировал отца. Главная причина, по которой он всё это затеял, заключалась в недовольстве отцом. Его младшая тётя была просто следствием действий этого старого дурака!

Лю Цюньфэн, протягивая руку, чтобы растолкать людей, бросил взгляд на своего второго дядю. Тот что-то сказал стоявшему рядом Чуньфэну, и Чуньфэн убежал. Господин Лю продолжал увещевать сына, но Лю Цюньфэн не дал ему никакого шанса, вместо этого он позвал всех к себе.

«Всем известно, что это поле — родовая земля нашей семьи Лю, которую заработал мой дед, когда был молод. Если бы мой дед был жив, ему было бы уже за семьдесят. Поэтому сегодня я пригласил нескольких старших родственников, а также деда Ло и старушку Сюй, они должны лучше всех помнить, как выглядело это поле изначально».

После этих слов Лю Цюньфэна, любой, у кого был мозг, понял, что он собирается делать!

Лицо младшей тётки мгновенно изменилось. Сейчас она не думала ни о своей пшенице, ни о том, чтобы кого-то подставить, ни о том, чтобы опозорить Лю Цюньфэна. Она поспешила умолять господина Лю, чтобы тот приказал его работникам и арендаторам остановиться!

«Остановитесь, старший брат, ну скажи ты им остановиться!» Младшая тётка была по-настоящему напугана! Её голос стал пронзительным, и она громко кричала господину Лю: «Старший брат, ты поговори с Цюньфэном, пусть он не устраивает беспорядок, пусть он даст своей тётке хоть кусок хлеба! Старший брат, ты же знаешь, как мне было нелегко все эти годы, я...»

Младшая тётка хотела продолжить, но господин Лю уже не мог её слушать и немедленно приказал арендаторам остановиться. К сожалению, Лю Цюньфэн не позволил!

«Кто посмеет остановиться, я немедленно аннулирую арендный договор в этом году! И пусть в следующем году не возделывают мои поля!» Рисовыми полями в семье управлял Лю Цюньфэн, и его слова явно имели больший вес, чем слова господина Лю. Увидев, что арендаторы снова взялись за работу, господин Лю не мог поверить своим глазам!

Вот теперь он по-настоящему рассердился! Сначала он думал, что будет хорошо, если злой человек сделает за него грязную работу и проучит надоедливых бедных родственников, но теперь он так не думал.

Достоинство главы семьи было оскорблено. Господин Лю в ярости попытался ударить Лю Цюньфэна, но второй дядя, стоявший рядом, крепко его удержал! «Старший брат, что ты делаешь! Цюньфэн не сделал ничего плохого, он уже взрослый, как ты можешь при всех на него руку поднимать?»

«Я его отец! Он посмел ослушаться меня, даже если ему будет семьдесят-восемьдесят, я всё равно его ударю!»

«Старший брат!» Второй дядя крепко держал господина Лю. Господин Лю не мог вырваться, и младшая тётка, не найдя другого выхода, поспешила отправить младшего сына обратно, чтобы тот позвал дедушку.

Хоть младшая тётка и вышла замуж, она не хотела заботиться о престарелых родителях, но и не хотела, чтобы все семейное имущество досталось старшей сестре. После рождения детей она даже не позволяла им называть своих родителей дедушкой и бабушкой по материнской линии, настаивая, чтобы они звали их дедушка и бабушка*.

[*В Китае обращение к дедушкам и бабушкам по материнской линии и по линии отца совершенно разное. По материнской линии это Вайгун (爷爷, Wàigōng) – дедушка и Вайпо (奶奶, wàipó) – бабушка. По линии отца это А-Е (爷爷, Ā yé) – дедушка и А-Най (奶奶, Ā nǎi) – бабушка.]

Пока господин Лю и второй дядя боролись, а младшая тётя лихорадочно обдумывала план, Лю Цюньфэн никого из них не замечал, продолжая говорить о своих делах.

Он обратился к толпе, особенно к тем старейшинам, которых специально позвал, и указал на окружающие рисовые поля: «Все эти рисовые поля примерно одинакового размера. Если вы не верите, можете осмотреть окрестности».

Позволив людям осмотреть окрестности, Лю Цюньфэн снова указал на лаковое дерево, но на этот раз он обращался к людям, стоявшим на пшеничном поле тётки: «Смотрите внимательно. Когда будете восстанавливать границы, используйте это дерево в качестве края. Не смейте занимать ни единого цуня земли у моей младшей тётки, иначе будете копать снова».

«Цюньфэн! Хороший мальчик, дело обстоит не так!» Голос младшей тётки дрожал от волнения. Она хотела пойти на мягкие уступки, но её семья уже была в ярости. Все, кроме второго сына, начали ругаться!

«Лю Лаоэр! Не будь так нагл! Ты специально приказал людям уничтожить нашу пшеницу, прикрываясь ремонтом границы. Не сходи с ума! Прикажи этим собакам проваливаться! Им не место на моём пшеничном поле!» Семья Ли была не маленькой, но Лю Цюньфэн привел еще больше людей. Семья Ли не могла удержать тех, кто копал, и им оставалось только подбежать к Лю Цюньфэну.

Семья Ли была, на самом деле, честной, они действительно хотели спасти урожай. А младшая тётка изначально планировала получить компенсацию за сезон пшеницы, но теперь Лю Цюньфэн её так напугал, что она забыла о своих первоначальных планах.

Лю Цюньфэн не обращал внимания на семью Ли, он просто продолжил: «Я молод, и не знаю точно, как выглядело это поле несколько десятилетий назад, но старейшины и пожилые жители деревни знают». Он помог двум старикам подойти к себе и, прямо указывая на лаковое дерево, спросил: «Старейшины, посмотрите внимательно, я ошибся или нет? Это дерево действительно является пограничным деревом между двумя полями?»

«Это дерево действительно было посажено твоим дедом при твоём младшем деде. Тогда твоему деду было всего тридцать. Это действительно пограничное дерево, нет сомнений». Не только семья Лю, но и большинство семей в деревне, чтобы предотвратить тайное присвоение земли, сажали деревья или закапывали большие камни на границе своих участков.

Землю могли перекопать, а камни — перенести, но большое дерево не сдвинешь, оно стоит на месте. Пока дерево на месте, если кто-то подкопает твою землю, у тебя есть основание, чтобы откопать её обратно.

С окружающими полями для сравнения, высоким лаковым деревом в качестве границы и свидетельством старейшин, теперь никто не мог остановить Лю Цюньфэна.

Сегодня он собирался выкопать все границы рисовых полей, примыкающих к полю младшей тёти, а затем восстановить их все в соответствии с прежней границей!

—

<http://bllate.org/book/14489/1282256>